

ТОТ ПОДМОСКОВНЫЙ СНЕГ...

В начале 1942 года личный стенограф Гитлера доктор Геппер записал в дневнике по приезду в загородную резиденцию фюрера: «Здесь всё чудесно, но вот разочарование – выпал снег, хотя в Берлине и Мюнхене греет солнышко. Фюрер и все, кто его понимает, после событий минувшей зимы выносить не могут снега». Таких свидетельств немало. Сподвижник и друг Гитлера рейхсминистр Шпеер вспоминает, как в сорок втором на прогулке фюрер воскликнул: «Как я ненавижу этот Восток! Стоит мне увидеть снег, и я впадаю в депрессию!» О русском, точнее – о подмосковном снеге и сопутствующих ему явлениях сложилась целая германская мифология. «Когда в начале декабря температура понизилась до 52 градусов по Цельсию, смертельно было даже присесть в кустах. Многие замёрзли до смерти во время отправления естественных потребностей» (генерал Бейерлейн). Многие немцы объясняли своё поражение под Москвой тем, что на стороне русских сражался «генерал Мороз».

Однако доля правды в немецких жалобах есть. Их армия не была подготовлена к войне в зимних условиях. И речь не только об отсутствии полушубков и валенок; они не ожидали, что будет замерзать оружейная смазка, что – в отличие от советских Т-34 – в немецких танках не будут заводиться моторы. А ещё раньше, в осеннюю грязь, немецкие танки на своих узких гусеницах не смогут ехать по целине, а Т-34 – смогут.

Неужели этого не могли предвидеть германские стратеги? И здесь дело не в Дедушке Морозе и не Тётушке Распутице, а в сроках. Вот если бы воевали по графику, составленному фюрером, и взяли Москву до холодов, тогда эти проблемы и не появились. Ведь как всё было гениально задумано! Овладеть русской столицей в конце сентября, дать поработать эсэсовцу Скорцени, который со своей командой должен вывезти всё ценное оборудование с московских заводов, дать сделать своё дело команде другого эсэсовца, Зикса, – ликвидировать в Москве всех нежелательных лиц (списки давно составлены), дать группе высокообразованных интеллектуалов под руководством доктора Поссета из Дрезденской галереи – отобрать и вывезти в рейх все художественные ценности для будущего Музея Фюрера в Линце и для других германских музеев. Затем 7 ноября провести Парад Победы на Красной площади, после чего стереть Москву с лица земли. Навеки.

Правда, План Барбаросса, как назвал Гитлер план нападения на СССР, стал давать сбои с первого дня, когда обречённые пограничные заставы вместо того, чтобы сдать превосходным силам противника, с которыми бессмысленно сражаться, бились до последнего. И до подмосковных деревень, где партизанами становились, по изумлённым свидетельствам немцев, даже инвалиды. И уж подавно – ни в каком дурном сне не могло присниться немецким генералам, что на их картах будет особо отмечаться *Подолск офицерен шуле* (кто из них подозревал до войны об этом училище и о самом этом захолустном Подольске!).

Но ещё 14 ноября, когда много танков завязло в лесах под Истрой, на совещании в Орше было озвучено решение фюрера всё же взять Москву – последним ударом. В те дни Гитлер сказал своему главному союзнику – итальянскому дуче (вождю) Муссолини: «Москва падёт, и мы не потеряем ни одного человека». И он приказал сомкнуть кольцо окружения намного восточнее русской столицы – в Горьком (Нижнем Новгороде). Это было уже безумием?

Ответим на этот вопрос чуть позже, а пока, перефразируя нашего известного политика, скажем – немцы хотели как всегда, но получилось что-то особенное, небывалое. Расчёт Гитлера был вполне трезвым. Перед началом войны людской потенциал Германии, её союзников и покорённых государств был почти в полтора раза больше, чем у СССР, а промышленный потенциал – более чем в два раза, в том числе по металлургии – в три раза (заметьте, что небольшой по населению Люксембург был производителем лучшей в мире стали). Гитлеровская армия была насыщена «хиви» – иностранными «помощниками». Механики, ремонтники, медицинский и обслуживающий персонал, строители, повара и т. д. и т. д. – это были как правило не немцы, а бельгийцы, французы, голландцы, поляки, чехи, словаки, хорваты. (Кстати, в 1812 году около 40 процентов «великой армии» Наполеона составляли поляки.)

Особое значение в планах фюрера имела Москва. Не только он, склонный к мистике, воспринимал это слово как символ России. Падёт Москва – падёт Россия. Мало кто на Западе и Востоке сомневался в этом в то время. В Америке открыто говорили, что помогать русским бессмысленно – крах их государства неотвратим в самое ближайшее время, а после этого кто будет расплачиваться по долгам? Да, да, именно так писали и говорили, вполне открыто, ведь США не вступали в войну, а американский посол в Берлине мистер Кеннеди (отец будущего президента) был открытым сторонником Гитлера. И ещё в американской прессе обсуж-